МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею изданы.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

I. Предувѣдомляетъ, что книга сія заключаетъ въ себѣ меньше пріятнаго, нежели прочія книги. II. Кто изъ Грековъ и Римлянъ писалъ о Риторикѣ.

I. Во второй книгѣ разсматривалъ я, что есть *Риторика,* и какая *цѣль* ея; гдѣ также, по возможности, показалъ и пользу и достоинство сей науки, и означилъ всѣ предметы, о коихъ говорить только можетъ Ораторъ. А здѣсь постараюсь изслѣдовать, отъ чего получила она свое начало, изъ какихъ частей состоитъ, и какимъ образомъ каждая изъ нихъ, по правиламъ ея, изобрѣтается и излагается: также, коль въ тѣсныхъ предѣлахъ заключали ее нѣкоторые писатели: Аполлодоръ, на примѣръ, даже поставлялъ за предметъ ея однѣ *Судныя дѣла.* Не безъизвѣстно мнѣ, сколь трудное дѣло принимаю на себя, въ удовольствіе любителей сей науки; мнѣ нужно будетъ войти въ разсмотрѣніе многоразличныхъ мнѣній объ одномъ и томъже предметѣ; почему и не знаю, могу ли удовлетворить

ожиданію читателей; ибо здѣсь кромѣ сухаго изложенія однихъ правилъ, говорить не о чемъ. На другихъ мѣстахъ моего сочиненія полагалъ я о слогѣ посильное стараніе не для того однакожъ, чтобъ блеснуть умомъ (тамъ самое содержаніе подавало къ сему возможность), но чтобы въ молодыхъ людяхъ поселить болѣе охоты къ ученію; заманчивый слогъ непримѣтнымъ образомъ влагаетъ въ умы то, отъ чего голое и сухое преподаваніе правилъ отвращаетъ и вниманіе и слухъ, а особливо толь нѣжный. По сей причинѣ и Лукрецій, какъ самъ говоритъ, изложилъ стихами свою Философію; слѣдующее сравненіе его всѣмъ извѣстно:

„Какъ врачи, чтобъ заставить дитя
„принять горькое лѣкарство, намазы-
„ваютъ края сосуда медомъ, и проч.

Но я опасаюсь, не мало ли въ сей книгѣ покажется медовой сладости, а напротивъ не много ли полынной горечи; не останется ли она болѣе полезною, нежели сколько пріятною учащимся.

Я еще и сего боюсь, что она имъ менѣе полюбится и по тому, что въ ней найдутъ большую часть правилъ, другими преданныхъ, а не мною изобрѣтенныхъ, и увидятъ, что нѣкоторые писатели различно мыслятъ и противорѣчатъ другъ другу; ибо многіе, хотя одну и

туже цѣль предполагали себѣ, но разные пути избирали для достиженія къ оной, и каждый имѣлъ своихъ послѣдователей. Молодые люди признаютъ обыкновенно избранный самими ими путь за лучшій; изгладить впечатлѣнные съ малолѣтства предразсудки, трудно; ибо всякъ хочетъ довольствоваться лучше тѣмъ, чему уже научился, нежели учиться вновь чему либо иному. Въ послѣдствіи усмотритъ читатель, что до безконечности различны были о сей наукѣ мнѣнія писателей: одни сперва къ грубымъ и еще весьма несовершеннымъ началамъ прибавляли нѣчто изъ предшествовавшихъ имъ писателей; потомъ другіе, дабы не показать въ себѣ рабскаго подражанія, даже и хорошее своимъ худымъ замѣняли.

II. Послѣ извѣстныхъ намъ по однимъ только Стихотворцамъ Словесниковъ, Эмпедоклъ, какъ полагаютъ, былъ первый, который нѣсколько занимался *Риторикою*. Изъ самыхъ же древнѣйшихъ писали о семъ искусствѣ Кораксъ и Тизіасъ, Сицилійцы, за ними слѣдовалъ того же острова уроженецъ Горгій Леонтійскій, который, какъ сказываютъ, былъ ученикъ Эмпедокловъ. Онъ жилъ сто девять лѣтъ; почему и былъ современникомъ многихъ ученыхъ мужей; находясь въ соперничествѣ съ ними, оставался въ славѣ даже до Сократа, и далѣе. Въ его время

извѣстны были Ѳрасимахъ Халкидонскій, Продикъ Цеосскій, и Протагоръ Абдеритянинъ, которому Эваѳлъ заплатилъ, какъ говорятъ, десять тысячъ (около пяти тысячъ рублей) динарій за ученіе, и потомъ наставленія его издалъ въ свѣтъ; Гиппій Элійскій и Алкидамъ Элейскій, коего Платонъ называетъ Паламедомъ. Антифонъ, первый изъ всѣхъ, написалъ защитительную рѣчь, сочинилъ правила Краснорѣчія въ семъ родѣ, и поправился тѣмъ, что самъ за себя говорилъ въ судѣ съ великимъ успѣхомъ; Поликратъ, который также написалъ рѣчь противъ Сократа, какъ я упомянулъ выше; и Ѳеодоръ Византійскій, одинъ изъ числа тѣхъ, коихъ Платонъ называетъ (*Λογοδαιδάλυς*). Изъ нихъ Протагоръ, Горгій, Продикъ и Ѳрасимахъ первые разсуждали о *мѣстахъ общихъ*. Цицеронъ, въ Брутѣ своемъ, утвердительно говоритъ, что прежде Перикла не было написано ничего такого, что̀ походило бы на искуство Краснорѣчія, хотя нѣкоторыя сочиненія и носили имя самаго Перикла. Да и подлинно нѣтъ въ нихъ и совсѣмъ не видно искуства достойнаго сего великаго Оратора; и потому не удивляюсь мнѣнію тѣхъ, кои полагаютъ, что Периклъ ничего не писалъ, и что выдаваемыя подъ его именемъ творенія принадлежатъ другимъ.

За сими слѣдовали еще многіе Риторы: но знаменитѣйшій изъ нихъ былъ Исократъ, ученикъ Горгія. Правда, не всѣ писатели соглашаются, кто именно былъ его учитель: я однакожъ лучше вѣрю Аристотелю. Отселѣ-то пути, пересѣкаясь, стали уклоняться въ разныя стороны. Ибо у Исократа были превосходнѣйшіе ученики во всѣхъ родахъ ученія. И когда уже онъ состарѣлся (т. е. когда ему минуло девяносто восемь лѣтъ), то Аристотель въ послѣобѣденное время публично началъ преподавать наставленія въ Краснорѣчіи; при чемъ почасту повторялъ, какъ сказываютъ, слѣдующій стихъ изъ Филоктета:

Αἰσχρὸν σιωπᾶν μέν, καὶ Ἰσοκράτην ἐᾶν λέγειν.
Turpe esse tacere, et Isocratem pati dicere.
Стыдно молчать, и оставить говорить Исократа.

Они оба писали о Риторикѣ, но Аристотель писалъ пространнѣе. Ихъ современникомъ былъ Ѳеодектъ, о сочиненіяхъ коего выше сказано; Ѳеофрастъ, ученикъ Аристотелевъ, также писалъ о Краснорѣчіи, съ довольною подробностію; и съ того времени начали прилѣжать къ сей наукѣ болѣе Философы, нежели Риторы, особливо отличнѣйшіе изъ Стоиковъ и Перипатетиковъ.

Гермагоръ проложилъ для себя совсѣмъ новую дорогу, по коей за нимъ послѣдовали мно-

гіе, и особенно Аѳеней, который былъ его подражателемъ, и съ нимъ, кажется, сравнялся. Потомъ много писали Аполлоній Молонскій, Арей, Цецилій и Діонисій Галикарнасскій.

А болѣе всѣхъ обратили на себя вниманіе Аполлодоръ Пергамскій, который въ Аполлоніи былъ учителемъ Кесаря Августа, и Ѳеодоръ Гадарскій, который лучше хотѣлъ называться Родосскимъ; у него, сказываютъ, съ удовольствіемъ слушалъ наставленія Тиверій Кесарь, когда удалялся на островъ Родосъ. Риторы сіи держались различныхъ мнѣній, и послѣдователи ихъ, по обычаю Философскихъ сектъ или толковъ, именовались *Аполлодорцами* и *Ѳеодорейцами*. Но о наставленіяхъ Аполлодора мы знаемъ только отъ его учениковъ, изъ коихъ ревностнѣйшіе передали ихъ намъ, на Латинскомъ языкѣ К. Валгій, а на Греческомъ Аттикъ. Самъ же онъ сочинилъ одно краткое разсужденіе для Маціа; ибо въ письмѣ къ Домицію прочихъ сочиненій за свои не признаетъ. Ѳеодоръ писалъ болѣе, и ученика его Гермагора многіе изъ насъ застали еще въ живыхъ.

Изъ Римлянъ первый, сколько мнѣ извѣстно, М. Катонъ Ценсоръ издалъ нѣсколько правилъ; потомъ М. Антоній предпринялъ было таковойже трудъ; но до насъ дошло одно только начало, да и то съ недостатками. За ними

появлялись не столь знаменитые писатели, о коихъ непремину упомянуть, гдѣ потребуетъ надобность.

Особеннымъ же свѣтомъ, какъ самое Краснорѣчіе, такъ и правила онаго, озарилъ единственный между нами образецъ Витійства и превосходный наставникъ въ семъ искуствѣ, М. Туллій. Послѣ его, должна бы скромность возбранить вступать въ тоже поприще, если бы онъ самъ не объявилъ, что его сочиненіе о *Риторикѣ* какъ бы выскользнуло у него изъ рукъ въ его молодости, и что въ правилахъ своихъ не разсудилъ онъ тогда помѣстить нѣкоторыхъ подробностей, впрочемъ нужныхъ. Предметомъ симъ довольно занимался Корнифицій; нѣсколько касались его Стертиній и Галліонъ отецъ: подробнѣе же изложили правила науки жившіе прежде Галліона, Цельсъ и Ленасъ; а въ наше время Виргиній, Плиній, Рутилій. Есть и нынѣ отличные въ семъ родѣ писатели, кои бы мало труда мнѣ оставили, ежели бы въ твореніяхъ своихъ все нужное помѣстить захотѣли. Я умалчиваю здѣсь о именахъ ихъ; они еще въ живыхъ находятся; похваламъ ихъ будетъ свое время; ибо достоинство перейдетъ въ потомство, куда зависть не достигнетъ.

Однако послѣ толикаго числа знаменитыхъ мужей не возбраняется, думаю, и мнѣ изъявить

въ нѣкоторыхъ случаяхъ свое мнѣніе. Я не ослѣпленъ никакимъ предразсудкомъ, никакой *сектѣ* или толкамъ другихъ не преданъ; я старался собрать въ одно мѣсто многими изобрѣтенное; тѣмъ и другимъ воспользоваться предоставляю читателю, и буду доволенъ, когда заслужу одобреніе за мою, по крайней мѣрѣ, точность тамъ, гдѣ умъ похвалить нé за что.

ГЛАВА II.

Отъ чего началась Риторика?

Вопросъ сей можно рѣшить скоро. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что людямъ самая природа даровала способность слова; что потомъ польза заставила приращать и распространять даръ сей, а наконецъ разумъ и упражненіе усовершили. Я не вижу, почему нѣкоторые думаютъ, будто бы первое основаніе Краснорѣчію положили люди, предъ судомъ обвиняемые; поелику нужда защищать себя влагаетъ въ уста и рѣчь сильнѣйшую. Причина благовидная, но не совсѣмъ основательная, ибо обвиненіе должно предшествовать оправданію: это есть тоже, какъ и утверждать, что мечь первоначально сдѣланъ тѣмъ, коему нужно было обороняться, а не тѣмъ, кто вздумалъ употребить такое оружіе на пораженіе другаго.

Итакъ слово даровано человѣку природою, а искуство въ словѣ возникло отъ собственныхъ его наблюденій. Ибо люди, какъ въ лѣченіи, замѣчая, что̀ здорово и что̀ нездорово,

составили изъ таковыхъ замѣчаній науку, такъ и въ словѣ находя иное полезнымъ, иное безполезнымъ, положили одного держаться, а другаго избѣгать; къ чему присовокупляли и собственные опыты, смотря по обстоятельствамъ; все сіе утвердилось потомъ чрезъ употребленіе: тогда каждый началъ передавать другимъ, что̀ самъ зналъ. Правда, Цицеронъ приписывалъ начало сей науки строителямъ городовъ и законодателямъ, поелику имъ нужно сильное краснорѣчіе: однако и здѣсь не вижу достаточнаго доказательства; ибо есть еще и нынѣ народы скитающіеся, безъ городовъ и безъ законовъ; но сыскиваются между ими люди, кои и дѣла посольскія исправляютъ и чужія мнѣнія оспоривать, а свои защищать умѣютъ, и почитаются одни другихъ краснорѣчивѣе.

ГЛАВА III.

Риторика состоитъ изъ пяти частей.

Всякое, по правиламъ Риторическимъ сочиняемое слово, должно состоять, по мнѣнію многихъ искуснѣйшихъ писателей, изъ пяти частей: *Изобрѣтенія, Расположенія, Изложенія, Памяти, Произношенія* или *Дѣйствія*, что одно и тоже. Для всякой же рѣчи, коею выражается какое либо желаніе, потребны и предметъ и слова. Болѣе сего не нужно ничего, ежели рѣчь кратка и заключается въ одномъ предложеніи: но рѣчь пространная требуетъ бо́льшаго: тогда надобно разбирать не только о чемъ и какъ, но и въ какомъ мѣстѣ говорить должны; и вотъ уже для сего необходимо *расположеніе.* Но какъ не льзя въ точности высказать всего, чего предметъ требуетъ, и чтобъ все то было сказано на своемъ мѣстѣ, если не поможетъ намъ *память;* то она будетъ четвертая часть. А поелику всякая рѣчь теряетъ цѣну и дѣлается почти несносною отъ худаго голоса или непристойнаго тѣлодвиженія, то и надлежитъ дать пятое мѣсто *произношенію.*

ГЛАВА IV.

Три рода дѣлъ или предметовъ, предлежащихъ Оратору.

Здѣсь вопрошается, только ли три рода дѣлъ относятся къ должности Оратора? Извѣстно, что почти всѣ знаменитые въ древности писатели послѣдовали Аристотелю, который только родъ разсудительный называетъ (*) *народнымъ (concionalis)*, и на сіе раздѣленіе были согласны... Вѣрнѣе всего мнѣ кажется слѣдовать бо́льшему числу писателей; чего требуетъ и самое благоразуміе. Къ сему же роду надлежитъ отнести и родъ *хвалительный*, хотя имѣетъ онъ предметомъ похвалу и вмѣстѣ порицаніе; но получилъ имя хвалительнаго отъ лучшаго предмета: иные называютъ его просто *доказательнымъ*.... Другой родъ есть *разсудительный*, а третій *судебный*. Прочіе виды сливаются въ сихъ трехъ родахъ; ибо нѣтъ изъ

(*) Онъ примѣнялся въ семъ къ образу правленія Аѳинянъ, у коихъ разсужденія о дѣлахъ государственныхъ происходили въ народныхъ собраніяхъ.

нихъ ни одного, въ которомъ бы не предполагали мы себѣ цѣлію похвалу либо порицаніе, совѣтованіе либо отсовѣтованіе, обвиненіе либо защищеніе.

Я не могу согласиться и съ тѣми, кои къ роду *хвалительному* относятъ дѣла *честныя*, *къ разсудительному полезныя*, *къ судебному справедливыя;* такое раздѣленіе есть благовидно больше нежели обдуманно и справедливо. Ибо все сіе состоитъ одно въ другомъ. И въ похвалѣ говорится также о справедливости и пользѣ, и въ совѣтахъ о честности, и въ судномъ дѣлѣ рѣдко не найдешь всего того, хотя частію.

ГЛАВА V.

I. Три должности Оратора. II. Случаи, подлежащіе сужденію, бываютъ неопредѣленные, или опредѣленные.

I. Всякая рѣчь состоитъ или изъ означаемаго, или изъ означающаго, то есть, изъ вещей и словъ. Способность говорить дается отъ природы, усовершается наукою и упражненіемъ: къ сему прибавляютъ нѣкоторые еще подражаніе, которое мы относимъ къ наукѣ. Цѣль Оратора тройственная: поучать, возбуждать, услаждать. Но всего того достигнуть не во всякой рѣчи можно: есть предметы, въ изложеніи коихъ не нужно возбужденіе страстей, которое хотя не вездѣ имѣетъ мѣсто, но гдѣ употреблено по приличію, тамъ придаетъ слову весьма много силы.

II. Вообще полагаютъ, что случаи, разбирательству подлежащіе, суть или неопредѣленные, или опредѣленные. Случаи неопредѣленные суть тѣ, о которыхъ можно говорить и въ добрую и худую сторону, не упоминая ни о лицѣ, ни о времени, ни о мѣстѣ и ни о чемъ сему подобномъ: Греки называютъ это *Θέσιν*, а Цицеронъ предложеніемъ (propositum).

Опредѣленные же заключаютъ въ себѣ и лица, и времена, и прочія обстоятельства. Онѣ у Грековъ называются *ὑποθέσεις*, а у насъ дѣлопроизводствомъ (causae). Въ нихъ разсматриваются обыкновенно вещи и лица.

Неопредѣленные бываютъ всегда пространнѣе: опредѣленные уже только изъ нихъ выводятся. Примѣръ покажетъ яснѣе. Вопросъ, *надобно ли жениться?* будетъ неопредѣленный; *надобно ли Катону жениться?* есть опредѣленный.

Но всякое частное предложеніе заключаетъ въ себѣ и общее, какъ источникъ и начало перваго. И я не знаю, едва ли не все есть общее, гдѣ только разсматривается качество дѣла. *Милонъ убилъ Клодія: законно убилъ врага своего.* Не въ томъ ли состоитъ вопросъ, *позволительно ли убивать своего врага?*

Даже и въ тѣхъ предложеніяхъ, которыя до лицъ относятся, какъ недовольно того, чтобы говорить о дѣлѣ вообще, такъ не можно дойти до вида, не принявъ рода въ разсужденіе, ибо какъ станетъ разсуждать Катонъ, должно ли ему жениться, если не будетъ прежде показано, что жениться есть общій долгъ? И какъ разбирать Катону, долженъ ли жениться на Марціи, если онъ не убѣдится, что жениться надобно?

ГЛАВА VI.

Положеніе суднаго дѣла бываетъ трoякое.

Положеніе дѣла есть то, въ чемъ состоитъ главная цѣль Оратора и во что̀ судья наиболѣе вникать обязанъ: ибо сіе составляетъ сущность дѣла.

Многіе полагаютъ три главныя положенія дѣла: догадочное, опредѣлительное, качественное. Сего раздѣленія держится Цицеронъ (2. de Orat. 104, 114.) въ своемъ Ораторѣ, и думаетъ, что всѣ спорныя или тяжебныя дѣла заключаются въ сихъ трехъ вопросахъ: (*) существуетъ ли дѣло? Въ чемъ оно состоитъ? Каково оно есть?

(*) Итакъ три положенія дѣла: *догадочное* (conjecturalis), въ коемъ спрашивается и должно быть замѣчаемо, существуетъ ли дѣло; наприм. въ рѣчи за Целія спрашивается, точно ли далъ Целій ядъ Клодіи? *Опредѣлительный* (difinitivus), въ коемъ изыскивается и должно опредѣляться, въ чемъ состоитъ дѣло, какъ въ рѣчи за Планція, сдѣланная имъ раздача денегъ значитъ ли подкупъ? *Качественный* (qualitatis), въ коемъ разсматривается, въ чемъ состоитъ самое дѣло; какъ въ рѣчи за Милона, законно ли убилъ онъ Клодія?

Признаюсь откровенно, что я нынѣ отступаюсь отъ прежнаго моего о семъ мнѣнія. Можетъ быть, любочестіе требовало бы не перемѣнять уже того, чего держался самъ и чему училъ другихъ долгое время. Но въ такомъ сочиненіи, которое предпринято для пользы юношества, почитаю за непростительное скрыть мое заблужденіе. Иппократъ, знаменитѣйшій врачь своего времени, чистосердечно признавался въ нѣкоторыхъ ошибкахъ своихъ, дабы другихъ предостеречь отъ подобныхъ погрѣшностей. И М. Туллій (lib. 1. Orat. cap. 1. p. 175.) не усумнился, нѣкоторыя книги свои, уже въ свѣтъ изданныя, послѣ охуждать самъ, какъто (*) Катулла и Лукулла, и даже самое сочиненіе свое объ Ораторѣ. Ибо напрасенъ былъ бы дальнѣйшій трудъ въ изысканіяхъ, если бы не позволялось искать ничего лучшаго первыхъ изобрѣтеній. Однако и тѣ правила, которыя преподавалъ я прежде, не совсѣмъ безполезны: ибо и нынѣшнія мои наставленія имѣютъ съ ними немалую связь. Итакъ да не жалѣетъ никто о томъ, чему доселѣ учился. Здѣсь постараюсь только тоже самое собрать полнѣе и располо-

(*) Цицеронъ одну изъ книгъ своихъ посвятилъ Катуллу, другую Лукуллу; потомъ сдѣлалъ изъ нихъ четыре, и посвятилъ ихъ Варрону и Аттику.

жить яснѣе прежняго. Я хочу показать, что еще есть время и другихъ вывести изъ заблужденія также, какъ я самъ изъ онаго вышелъ.

Итакъ положимся на мнѣніе тѣхъ, коимъ послѣдовалъ и самъ Цицеронъ, признавая, что во всякомъ разбирательствѣ допускаются три вопроса: существуетъ ли вещь, что̀ она за вещь, какова она? Самая природа сему научаетъ насъ. Ибо вопервыхъ надобно быть предмету, о коемъ сомнѣваемся: а о его существѣ и качествѣ судить не можно прежде, нежели узнаемъ, что онъ существуетъ. И по сему это будетъ первый вопросъ. Но, узнавъ, что онъ существуетъ, еще не знаемъ, что̀ такое онъ есть. Узнавъ сіе, остается разсмотрѣть качество предмета. Тѣмъ и все дѣло кончится.

Теперь, раздѣливъ судныя дѣла на три рода, я буду слѣдовать порядку, симъ раздѣленіемъ показанному.

ГЛАВА VII.

О РОДѢ ДОКАЗАТЕЛЬНОМЪ (Genus Demonstrativum).

I. Сей родъ употребляется у Римлянъ и въ судныхъ дѣлахъ. II. Похвала богамъ. III. Похвала людямъ и порицанье оныхъ. Надобно знать, за что хвалить кого. IV. Похвала городамъ и другимъ мѣстамъ.

I. Прежде всего начнемъ говорить о томъ, что касается до похвалы и порицанія. Аристотель и, послѣдуя ему, Ѳеофрастъ, родъ сей, кажется, отдѣляли отъ рода *дѣлопроизводнаго* (negotiali), и относили весь къ лицу однихъ слушателей, какъ нужный только для снисканія ихъ благосклонности: сіе самымъ названіемъ его показывается. Однако у Римлянъ вошло въ обычай распространять оный родъ и на дѣла общественныя. Ибо надгробныя рѣчи часто произносятся по опредѣленіямъ Сената, и судіямъ вмѣняются

въ нѣкоторую должность. Похвалять и охуждать свидѣтеля относится также иногда къ судебнымъ разбирательствамъ: позволяется даже самымъ (*) подсудимымъ имѣть хвалителей: и хотя рѣчи, говоренныя противъ Л. Пизона, Клодія, Куріона и другихъ наполнены ругательствами, однако принимались въ Сенатѣ за настоящіе приговоры. Впрочемъ, я не спорю, что въ семъ родѣ нерѣдко сочиняются рѣчи для одной торжественности, какъ-то похвалы богамъ и великимъ мужамъ вѣковъ протекшихъ.

Но какъ похвала, произносимая при случаяхъ важныхъ, должна быть основана на твердыхъ доказательствахъ, такъ и похвала, одну торжественность въ себѣ заключающая, имѣетъ иногда видъ нѣкоторыхъ доводовъ. Напримѣръ, говоря, что Ромулъ есть сынъ Марса, и воспитанъ волчицею, въ увѣреніе о небесномъ произхожденіи его можно сказать, что всѣ его доблести приличны только сыну бога войны; что по преданію современниковъ его, еще живымъ взятъ на небо. Ораторъ можетъ иныя обстоятельства обратить въ нѣкоторый родъ защи-

(*) Ежели подсудимый хорошо управлялъ какою-либо провинціею, то присылалось изъ оной по десяти повѣренныхъ, кои говорили рѣчи въ похвалу обвиняемаго, какъ-то сдѣлали Массилійцы и Нарбонцы во время суда, производившагося надъ Фонтеемъ.

щенія, когда, напримѣръ, хваля Геркулеса, постарается извинить обмѣнъ его одежды съ Лидійскою Царицею и извинить необходимостію бывшія тогда его упражненія.

Похвала особенно требуетъ распространенія и украшенія предметовъ. Хотя она приличествуетъ наиболѣе богамъ и людямъ, не надобно однако изключать изъ сего ни животныхъ, ни даже вещей неодушевленныхъ.

II. Хваля боговъ, вообще обращать надлежитъ благоговѣніе слушателей къ ихъ величію, потомъ представлять могущество каждаго изъ нихъ, равно изчислять ихъ изобрѣтенія, которыя принесли людямъ какую либо пользу. Могущество Юпитера, напримѣръ, оказывается въ управленіи міра; Марса, въ сраженіяхъ; Нептуна, на моряхъ. Изобрѣтеніе, какъ-то искуствъ и художествъ, приписывается Минервѣ: словесныя науки Меркурію; врачеваніе Аполлону; плоды земные Церерѣ; вино Бахусу. Упоминаются также дѣянія ихъ, отъ предковъ намъ преданныя. Къ чести боговъ служитъ и происхожденіе, какъ-то быть сыномъ Юпитера, и ихъ древность, если родились изъ Хаоса. Дѣлаютъ имъ честь и дѣти, какъ-то Аполлонъ и Діана Латонѣ. Нѣкоторыхъ хвалить должно, что рождены безсмертными; другихъ, что безсмертіе пріобрѣли своею добродѣтелію: что̀ видимъ

въ особѣ (*) государя нашего, коего благочестіе служитъ украшеніемъ настоящаго вѣка.

III. Похвала людямъ можетъ быть многообразнѣе. Здѣсь берется въ разсужденіе и то время, которое имъ предшествовало, и то, въ которое они сами жили, и то, которое за ними слѣдовало. Еще прежде рожденія человѣка, говорится объ отечествѣ, родителяхъ и предкахъ его: и сіе разсматривается подъ двоякимъ видомъ. Тутъ выводится, что похвально соотвѣтствовать благородному происхожденію, и низкую породу прославить дѣлами знаменитыми. Сюда же относятся и событія, предъ рожденіемъ случившіяся, которыя въ видѣ оракульскихъ отвѣтовъ или прознаменованій, возвѣщали будущее величіе: какъ напримѣръ, сказываютъ, будто бы еще во время беременности Ѳетиды было предрѣчено Оракулами, что имѣвшее родиться дитя превзойдетъ отца своего въ славѣ.

Личная похвала людямъ заимствуется отъ дарованій душевныхъ, отъ качествъ тѣлесныхъ и внѣшнихъ обстоятельствъ. Какъ преимущества тѣла и выгоды, случаемъ доставленныя,

(*) Нечестивое ласкательство! Домитіанъ повелѣлъ называть себя богомъ; а по жестокости, распутству и всѣмъ другимъ порокамъ, долженъ почесться гнуснымъ чудовищемъ.

суть ниже внутреннихъ достоинствъ, то и рѣчь не одинаковымъ образомъ располагается. Иногда воздаемъ честь красотѣ и силѣ, какъ дѣлаетъ Гомеръ, говоря объ Агамемнонѣ и Ахиллесѣ; а иногда и показаніемъ самыхъ недостатковъ возбуждается удивленіе, какъ тотъже Стихотворецъ изображаетъ Тидея человѣкомъ малорослымъ и вмѣстѣ мужественнымъ воиномъ. И дары счастія, съ одной стороны придаютъ бо́льшій блескъ достоинствамъ, какъ-то царямъ и вельможамъ (ибо имѣютъ они болѣе случаевъ явить свою добродѣтель); съ другой стороны, чѣмъ ограниченнѣе сіи способы, тѣмъ славнѣе благотворительность. Но всѣ внѣшнія блага, случайно достающіяся человѣку, похваляются не потому, что ихъ кто нибудь имѣетъ, а для того, что онъ дѣлаетъ изъ нихъ хорошее употребленіе. Ибо власть, богатство и знатность, доставляющія равную удобность дѣлать добро и зло, могутъ назваться истиннымъ искушеніемъ нравовъ: они дѣлаются отъ нихъ или лучшими, или худшими.

Самая истинная похвала основывается на качествахъ душевныхъ. Но и здѣсь не одною дорогою идти должно. Иногда лучше слѣдовать по степенямъ возраста и держаться порядка дѣяній: какъ напримѣръ, въ юныхъ лѣтахъ похваляются природныя качества, потомъ воспи-

таніе, послѣ дѣлà и словà, внутреннюю красоту чувствованій изъявляющія. А иногда можно располагать похвалу по видамъ добродѣтелей, каковы суть мужество, справедливость, воздержаніе, и проч. и къ каждой изъ нихъ относить то, что по внушенію ея сдѣлано. А который изъ сихъ двухъ способовъ есть лучшій, долженъ то показать предметъ, нами избранный. Надобно при семъ знать, что гораздо болѣе возбуждается въ слушателяхъ вниманіе, если представимъ, что хвалимый нами человѣкъ чѣмъ ни есть отличился, или только одинъ, или еще первый, или по крайней мѣрѣ, съ немногими; что онъ сдѣлалъ то сверхъ надежды или ожиданія, и особенно, что побудила его къ сему не собственная корысть, а польза другихъ.

О времени, которое слѣдуетъ по смерти человѣка, говорить не всегда случается: не только потому, что мы хвалимъ людей, въ живыхъ еще иногда находящихся, но и для того, что рѣдко воздаются божескія почести и воздвигаются статуи по опредѣленіямъ верховной власти. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто сихъ торжественныхъ памятниковъ, я изчислилъ бы произведенія ума, вѣками уже одобренныя. Ибо о нѣкоторыхъ, какъ-то о Менандрѣ, справедливѣе судили потомки, нежели современники.

Приносятъ честь и славу дѣти родителямъ, города своимъ основателямъ, законы издателямъ, художества изобрѣтателямъ, и учрежденія своимъ постановителямъ; какъ Нумѣ, введеніе богопочтенія и Публиколѣ, подчиненіе гражданскихъ властей Римскому народу.

Сей же самый порядокъ и въ порицаніи наблюдать надобно, но только превращенно. Ибо и низкое происхожденіе еще къ бо́льшему посрамленію служило для многимъ, и самая знаменитость рода болѣе обнаруживала пороки и бо́льшую возбуждала къ нимъ ненависть. Нѣкоторымъ, какъ Парису, предсказана гибельная участь; въ другихъ недостатки тѣлесные въ поношеніе обратились, какъ Ѳерситу, а другихъ, по сказанію Стихотворцевъ, и наружная красота сдѣлала презрительными, какъ робкаго Нирея и безстыднаго Плисѳена. Душевныхъ недостатковъ столько же, сколько и совершенствъ: здѣсь порицаніе также двоякимъ образомъ располагается. Нѣкоторые, и по смерти, подвергались безславію, какъ Мелій, коего домъ былъ срытъ до основанія, и Маркъ Манлій, коего прозваніе потомками изъ рода изключено было. И злыхъ дѣтей родители подвергались ненависти. И на строителей городовъ падаетъ стыдъ и безславіе, когда они совокупляютъ какой ни есть народъ на погибель другихъ народовъ; и законы Грак-

*

ховъ сдѣлали ненавистными своихъ издателей. Но въ отношеніи къ живымъ, народное мнѣніе служитъ доказательствомъ нравовъ ихъ, и добрая или худая слава показываетъ справедливость похвалы и порицанія, на нихъ обращаемыхъ.

По мнѣнію Аристотеля, надлежитъ внимательно разбирать, гдѣ и передъ кѣмъ говоримъ. Ибо весьма нужно знать нравы слушателей, и обще принятое мнѣніе: нужно предусматривать, что̀ имъ болѣе можетъ нравиться въ томъ, кого хвалить предпринимаемъ, и что̀ напротивъ можетъ оскорблять въ томъ, кого охуждать хотимъ. При наблюденіи таковой предварительной осторожности, успѣхъ рѣчи будетъ несомнителенъ. Къ сему примѣшивается и похвала самимъ слушателямъ: ибо чрезъ то снискивается ихъ благосклонность; но стараться надобно, чтобъ похвала сія не повредила предмету, Ораторомъ изъясняемому. Наука менѣе уважится въ Лакедемонѣ, нежели въ Аѳинахъ: тамъ терпѣніе и храбрость болѣе одобрятся. У иныхъ народовъ жить хищеніемъ незазорно, а у другихъ поступать по законамъ почтенно. Умѣренность была бы противна Сибаритамъ, а у древнихъ Римлянъ роскошь бы вмѣнилась въ величайшее преступленіе. Такая же и во всемъ разность. Слушатель бываетъ тѣмъ благосклоннѣе,

чѣмъ болѣе кажется ему, что и Ораторъ одинаковыхъ съ нимъ мыслей.

Аристотель присовокупляетъ къ сему и еще правило, которое Корнелій Цельсъ простеръ уже слишкомъ далеко: поелику видится нѣкая сближенность добродѣтелей съ пороками, то и почиталъ онъ за позволительное употреблять выраженія, одно къ другому нѣсколько подходящія, какъ-то, называть дерзкаго неустрашимымъ, расточительнаго щедрымъ, скупаго бережливымъ, и напротивъ. Но Ораторъ, т. е. человѣкъ честный, никогда сего не сдѣлаетъ, какъ развѣ для общей пользы.

IV. Похваляются и города такимъ же образомъ, какъ и люди. Ибо основатель полагается вмѣсто родителя: имъ много славы придаетъ древность; почему и величаются нѣкоторые, будто бы они самой землѣ современны: имъ приписываются и дѣянія, кои хвалы и порицанія достойны: каждый городъ славится особенно, или своимъ мѣстоположеніемъ, или укрѣпленіями. Граждане приносятъ имъ честь, какъ отцамъ дѣти. Хвалятся и общенародныя зданія, въ которыхъ благолѣпіе, польза, красота, и достоинства здателей обыкновенно пріемлются въ разсужденіе: благолѣпіе въ храмахъ, польза въ огражденіяхъ, а красота или самъ здатель въ обоихъ случаяхъ. Хвалятся нѣкоторыя мѣста

и страны, какъ у Цицерона, Сицилія; здѣсь равно разсматривается красота и польза: красота полагается въ видахъ приморскихъ, въ долинахъ, веселыхъ урочищахъ: польза, въ благорастворенін воздуха, въ плодоносіи земли. Можно вообще хвалить достопамятныя изрѣченія и дѣла знаменитыя. Словомъ, хвалить все можно. Врачи хвалили нѣкоторыя яства; писаны были похвалы даже сну и смерти. Итакъ я, не ограничивая хвалительнаго рода только предметами честными, полагаю, что оный заключается наиболѣе въ качествѣ предмета: хотя всѣ три случая, упомянутые мною выше, встрѣтиться здѣсь могутъ, и всѣ ихъ вмѣстѣ употребилъ Цезарь, говоря противъ Катона, какъ-то Цицеронъ (In Top. 94.) замѣтилъ. Наконецъ, родъ сей вообще имѣетъ нѣкоторое сходство съ родомъ *совѣтовательнымъ*, который принадлежитъ къ разсудительному (diliberativum), ибо, что тамъ совѣтуемъ, тоже самое здѣсь похваляемъ.

ГЛАВА VIII.

О РОДѢ РАЗСУДИТЕЛЬНОМЪ.

I. Родъ сей имѣетъ предметомъ не одну пользу. II. О вступленіи и изложеніи въ семъ родѣ. III. При совѣтованіи надобно смотрѣть: 1) о чемъ разсуждается; части же совѣтованія суть: честное, полезное, возможное; а нужное отвергается. 2) Кто разсуждаетъ. Здѣсь показываетъ, какъ можно совѣтовать худымъ людямъ честное, а добрымъ малоприличное. 3) Кто совѣтовать долженъ. IV. О заимословіи или декламаціяхъ въ родѣ разсудительномъ. V. Какой образъ рѣчи долженъ быть въ совѣтованіи.

I. Я удивляюсь также, что нѣкоторые писатели единственнымъ предметомъ рода разсудительнаго поставляютъ пользу. Если бы и подлинно симъ только ограничить себя надлежало въ родѣ разсудительномъ, то я охотнѣе послѣ-

довалъ бы мнѣнію Цицерона (de Orat. 333—340.), который относитъ къ нему все уваженія достойное. Я увѣренъ, что и тѣ писатели, кои держатся вышеизъясненнаго мнѣнія, конечно слѣдуя прекрасному правилу, почитали за полезное только то, что честно. И оно было бы самое справедливое, ежели бы мы всегда имѣли дѣло съ людьми добрыми и благоразумными. Но для несвѣдущихъ, къ коимъ часто обращать рѣчь нашу должны, особливо для народа, который состоитъ изъ большаго числа неученыхъ, нужно честное отличить отъ полезнаго, слѣдовательно и говорить, сообразуясь общему разумѣнію. Ибо есть многіе, кои и то, что находятъ честнымъ, не признаютъ за довольно полезное; а другаго хотя не могутъ не признать за безчестное, но, увлекаясь мнимою пользою, одобряютъ: доказательствомъ служатъ (*) Нумантійскій миръ и договоръ Кавдійскій.

II. Часть рода *разбирательнаго* (которая называется и *совѣтовательною*) имѣетъ два предмета: совѣтовать и отсовѣтовать. Здѣсь, не такъ какъ въ рѣчахъ судебныхъ, не всегда нужно вступленіе или начало; ибо благосклонность

(*) Сенату сей миръ и договоръ сей показались толь постыдными, что не разсудилъ подтвердить ихъ, и непріятелямъ выдалъ Гостилія Манцина и Постума, согласившихся на оные.

къ совѣтующему уже предполагается въ просящемъ совѣта. Но все долженъ быть какой ни есть приступъ, дабы не начать слова вдругъ, или чѣмъ вздумается; поелику во всякой рѣчи есть нѣчто, съ чего естественно начинать надлежитъ.

Въ Сенатѣ и народныхъ собраніяхъ употребляется тотъ же способъ, какъ и предъ судіями, дабы снискать благосклонность отъ слушающихъ. Итакъ не удивительно, когда и похвальныя слова, которыя имѣютъ цѣлію не пользу какую нибудь, а одну похвалу, начинаются испрошеніемъ благосклонности слушателей. Аристотель справедливо полагаетъ, что въ родѣ совѣтовательномъ, въ подражаніе судебному, начало рѣчи беретъ иногда Ораторъ отъ своего лица и отъ лица несогласующагося съ нимъ: а иногда отъ малости или важности предмета. Въ доказательномъ же приступы, по мнѣнію его, болѣе произвольны. Ибо они могутъ взяты быть и издалека, какъ сдѣлалъ Исократъ, говоря въ похвалу Еленѣ; или заимствованы отъ обстоятельства, близкаго къ самому дѣлу, какъ онъ же показалъ примѣръ въ похвальномъ словѣ, когда жаловался, что красота тѣлесная уважается болѣе, нежели красота душевная: и Горгій, прославляя въ словѣ игры Олимпійскія, похваляетъ первыхъ учредителей таковыхъ собраній.

Симъ писателямъ конечно послѣдовалъ и Криспъ Саллустій, когда, приступая описывать войну съ Югурѳою и заговоръ Катилины, началъ исторію свою предисловіемъ, никакой связи не имѣющимъ. Но возвратимся къ роду совѣтовательному. Въ немъ хотя и можно употребить вступленіе, только чтобъ было оно кратко, и содержало бы одну сущность того, о чемъ говорить намѣреваемся.

Но при разсужденіи о дѣлахъ частныхъ, совсѣмъ не нужно *повѣствованіе,* по крайней мѣрѣ о томъ дѣлѣ, о коемъ предлежитъ сужденіе: ибо всякъ знаетъ самъ, о чемъ требуетъ совѣта. Можно здѣсь приводить и постороннія, но только къ дѣлу прямо принадлежащія обстоятельства. Если же надобно говорить предъ народомъ, тогда *повѣствованіе*, показующее ходъ всего дѣла, будетъ уже необходимо; тутъ потребны всѣ способы для возбужденія страстей. Часто бываетъ нужно возбуждать и утишать гнѣвъ, поселять въ умахъ страхъ, благопріятство, ненависть, миролюбіе. Иногда внушать должно сострадание, когда, напримѣръ, совѣтуемъ о поданіи осажденнымъ помощи, или оплакиваемъ разореніе союзнаго намъ города.

При совѣтованіи сильно дѣйствуетъ доброе мнѣніе объ Ораторѣ. Кто хочетъ, чтобъ совѣты его, на полезное и честное подаваемые, были

отъ всѣхъ пріемлемы съ довѣренностію, тотъ долженъ и быть дѣйствительно и слыть самымъ благоразумнымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ. Въ судебныхъ рѣчахъ почитается позволительнымъ слѣдовать и своимъ собственнымъ чувствованіямъ: въ поданіи же совѣтовъ не инымъ чѣмъ руководствоваться надлежитъ, какъ только правотою и совѣстію.

Многіе изъ Греческихъ Риторовъ (Arist. 1. c. 8.) все сіе относили къ народнымъ совѣщаніямъ только по управленію дѣлъ Республики. Да и Цицеронъ (2. de Orat. 337.) почти тогоже мнѣнія. И потому хотѣлъ онъ, чтобъ Ораторъ, предпринимающій говорить о мирѣ, войнѣ, числѣ войскъ, пособіяхъ, подапяхъ и другихъ для сего мѣрахъ, имѣлъ точное свѣдѣніе о двухъ вещахъ: о силѣ государства и о нравахъ гражданъ, дабы могъ изъ существа самыхъ вещей и изъ расположенія слушателей извлекать доводы къ убѣжденію. Но я нахожу здѣсь болѣе разнообразія: ибо и совѣщающіеся и совѣщанія суть многоразличны.

III. Почему въ совѣтованіи и отсовѣтованіи надлежитъ имѣть прежде всего въ виду 1-е дѣло, о коемъ разсуждается; 2-е лица, кои разсуждаютъ; 3-е лице, которое совѣтуетъ.

1-е). Дѣло, о коемъ разсуждается, есть или видимо сбыточное, или сомнительное. Ежели

оно сомнительно, то въ семъ только состоитъ весь, или по крайней мѣрѣ, главный вопросъ. Ибо часто случается, что сперва доказываемъ, что того-то дѣлать не должно, хотя бы сдѣлать было можно; потомъ, что то сдѣлано быть не можетъ. И въ семъ послѣднемъ случаѣ будетъ значить одно наше гаданіе, какъ напримѣръ, можно ли прорыть перешеекъ Коринѳскій, изсушить болото Понтійское, сдѣлать пристань Остійскую, или нашелъ ли бы Александръ новыя земли за Океаномъ? Но иногда и тамъ, гдѣ предвидится совершенная возможность, бываетъ только гаданіе, какъ-то при сихъ вопросахъ: придетъ ли время, что Карѳагенъ покорятъ Римляне; выйдетъ ли Аннибалъ изъ Италіи, ежели Сципіонъ перенесетъ войну въ Африку; останутся ли вѣрными Самнитяне, если Римляне прекратятъ войну? Иное и сбыточно и вѣроятно что сбудется: но или въ другое время, или на другомъ мѣстѣ, или другимъ образомъ.

Гдѣ же не льзя угадывать, тамъ совсѣмъ иное наблюдать надлежитъ. И вопервыхъ, совѣтуемся о самомъ дѣлѣ, о коемъ требуется мнѣніе, или о другихъ, отвнѣ происходящихъ обстоятельствахъ. О самомъ дѣлѣ, напримѣръ, разсуждаетъ Сенатъ, *положить ли войску отъ казны жалованье?* Здѣсь будетъ вопросъ простый. Ко-

гда же присовокупляются причины что нибудь дѣлать, какъ разсуждаетъ Сенатъ (Liv. 1. 3. N. 59. 1. 5. n. 36.) *выдать ли Фабіевъ Галламъ, кои въ противномъ случаѣ угрожаютъ войною;* или причины не дѣлать чего, какъ разсуждаетъ Цезарь (1. belli Gall.), *продолжать ли походъ въ Германію съ воинами, кои изъ отчаянія подѣлали уже духовныя завѣщанія:* тогда предметъ совѣщанія будетъ двойственъ. Ибо и въ первомъ случаѣ приводится причина, что Галлы угрожаютъ войною; но быть можетъ еще вопросъ, *не надлежитъ ли, и безъ того, выдать Галламъ Фабіевъ, кои, бывъ отправлены только въ званіи пословъ, противозаконно вступили въ сраженіе, и царя, къ коему имѣли отъ Республики препорученія, убили.* И въ другомъ, Цезарь не требовалъ бы совѣта, если бы не боялся возмущенія отъ воиновъ; однако можно сдѣлать вопросъ, *надобно ли было, безъ сего обстоятельства, вступить въ Германію.* Но всегда должно начинать съ главнаго вопроса, если можно разсуждать о семъ, не касаясь послѣдующихъ обстоятельствъ.)

Нѣкоторые полагаютъ, что при совѣтованіи должны заимствоваться побудительныя причины отъ *честнаго, полезнаго, нужнаго.* Третьяго источника я не допускаю; ибо какая бы сила ни устремлялась на насъ, она заставитъ насъ, можетъ быть, нѣчто потерпѣть, а

не сдѣлать: совѣщаемся же только о томъ, что дѣлать должно. Итакъ, когда нуждою называютъ люди то, къ чему приводитъ ихъ опасеніе большаго зла, тогда не иное что подъ симъ разумѣть надобно, какъ пользу. Ежели бы, напримѣръ, въ осажденномъ отъ непріятеля городѣ жители, бывъ не равны съ нимъ силами, не имѣя ни воды, ни хлѣба, совѣтовались о сдачѣ, говоря, что это нужно: а иначе, надлежитъ погибнуть: для сего-то самаго и нѣтъ нужды сдаться; ибо лучше въ такомъ случаѣ погибнуть. Не сдались ни Сагунтяне, ни Опитергиняне (*), окруженные непріятельскими кораблями. Итакъ въ подобныхъ случаяхъ будетъ предметомъ одна польза, или нѣчто среднее между полезнымъ и честнымъ. Но скажете вы, кто хочетъ имѣть дѣтей, тому нужно жениться. Конечно такъ; ибо кто хочетъ сдѣлаться отцемъ, тому совершенно извѣстно, что для сего нужно жениться. Итакъ уже нѣтъ мѣста совѣту, гдѣ есть необходимая нужда, такъ какъ и тамъ, гдѣ чего иначе сдѣлать невозможно. Ибо совѣтуемся обыкновенно о чемъ нибудь сомнительномъ. Итакъ

(*) *Опитергіумъ*, городокъ въ Италіи. Во время войны между Помпеемъ и Цезаремъ, когда былъ окруженъ непріятельскимъ флотомъ, то жители истребили сами себя, взаимно другъ друга убивая, дабы не быть побитыми отъ непріятеля. Florus. Epit. l. CX.

я соглашаюсь лучше съ тѣми, кои вмѣсто *нужнаго* полагаютъ *возможное*.

Безъ дальнѣйшихъ объясненій понять можно, что не всѣ сіи побудительныя причины во всякую совѣтовательную рѣчь входятъ. Однако многіе Риторы число оныхъ умножаютъ, выдавая виды за самыя части. Ибо пристойное, справедливое, благочестное, правильное, даже кроткое (ὕμερον) и проч. должно отнести къ честности, какъ виды къ своему роду. А удобно ли, важно ли, пріятно ли, надежно ли, все сіе принадлежитъ къ пользѣ: сужденія о томъ берутся отъ противоположности. Ибо иное хотя полезно, но трудно, маловажно, непріятно, опасно.

Нѣкоторые однако полагаютъ, что совѣтованіе должно быть иногда объ одномъ пріятномъ, какъ-то о строеніи театровъ, о учрежденіи народныхъ игръ. Но не думаю, чтобъ нашелся до такой степени преданный роскоши Ораторъ, чтобы онъ въ рѣчи своей говорилъ объ одномъ только удовольствіи. Онъ, безъ сомнѣнія, начнетъ съ чего нибудь нужнѣйшаго, какъ-то, говоря объ играхъ, скажетъ, что онѣ относятся къ чествованію боговъ; о театрѣ, что онъ служитъ полезнымъ отъ трудовъ отдохновеніемъ; что безъ такого зданія были бы неизбѣжны смятеніе и безпорядокъ при стеченіи народа; и что самое благочестіе тѣмъ нази-

дается; поелику театръ сей будетъ храмомъ, какъ бы для отправленія священныхъ празднествъ опредѣленнымъ.

Часто совѣтуемъ и честное предпочитать полезному: какъ если бы, напримѣръ, давали Опитергинянамъ совѣтъ не сдаваться непріятелю, хотя бы то стоило имъ жизни. И полезное предпочитаемъ честному, совѣтуя, напримѣръ, вооружить рабовъ нашихъ во время войны съ Карѳагеномъ. Однако и здѣсь не должно выставлять сего за нѣчто прямо безчестное. Ибо можно сказать, что всѣ свободны отъ природы, сотворены изъ того же вещества, и можетъ быть, происхожденіе ихъ было нѣкогда благородно. Итакъ, гдѣ настоитъ видимая опасность, тамъ противополагать надобно бѣды еще горшія, какъ-то, утверждая, что Опитергиняне претерпѣли бы мучительнѣйшую смерть, если бы сдалися, или что непріятель не сдержалъ бы своего слова, или бы побѣдилъ Цезарь; что всего вѣроятнѣе.

Но такія противоположныя побужденія по бо́льшей части иными названіями сближаются. Ибо и самая польза за ничто почитается тѣми, кои честное не только поставляютъ выше полезнаго, но даже и не считаютъ за полезное, что не есть честное: и напротивъ, что у насъ честно, то другіе называютъ суетнымъ, тще-

славнымъ, глупымъ: это на правду похоже болѣе на словахъ, нежели на самомъ дѣлѣ. Иногда не только съ безполезнымъ сравнивается полезное, но и полезное съ полезнымъ и безполезное съ безполезнымъ же, дабы избрать въ одномъ бо́льшее, а въ другомъ меньшее. Здѣсь затрудненіе еще увеличивается. Ибо выходитъ здѣсь трoякое совѣщаніе: какъ напримѣръ, разсуждалъ Помпей, къ Пароянамъ, въ Африку или въ Египетъ надобно удалиться. Итакъ разсматривается, не только что есть полезно, но и что самое полезнѣйшее. Также и напротивъ.

И дѣйствительно, тамъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, гдѣ все клонится къ нашей выгодѣ. Ибо гдѣ нѣтъ мѣста противоположенію, тамъ почто колебаться? Итакъ почти всякое совѣтованіе не иное что есть, какъ сравненіе. Смотрѣть только надобно на цѣль, какую себѣ предполагаемъ, и какими средствами достигнуть оной хотимъ, дабы можно было судить, больше ли пользы въ томъ, къ чему стремимся, или больше вреда въ средствахъ, чрезъ которыя дойти до нее стараемся. Польза разсматривается еще и относительно ко времени: какъ напримѣръ, *можно то-то сдѣлать, но не теперь;* и относительно къ мѣсту: *но не здѣсь;* и относительно къ лицу: можно сдѣлать, *но не для насъ, не противъ такихъ-то;* и относительно

къ роду рѣчи: *не такимъ образомъ;* и относительно къ способу: *не до такой степени.*

2-е). Что касается до лицъ, благопристойность требуетъ обращать вниманіе на то, что дѣлать мы совѣтуемъ, и кому совѣтуемъ. Итакъ, хотя примѣры здѣсь весьма много дѣйствуютъ; ибо люди наиболѣе примѣрами другихъ на что-либо преклоняются: однако разбирать должно, какіе и кому представляешь оные. Не всѣхъ умы расположены одинаково; да и случай бываетъ двоякій: подаемъ совѣтъ или многимъ, или одному человѣку; и здѣсь есть еще разница; ежели многимъ, то Сенату ли, или народу, Римлянамъ или Фиденатамъ, Грекамъ или варварамъ: если одному, то нужно не выпускать изъ виду, Катону ли совѣтуемъ искать честей, или Марію; со Сципіономъ или Фабіемъ разсуждаемся, какъ вести войну надлежитъ. Здѣсь надобно смотрѣть на полъ, достоинство и лѣта лицъ; а еще болѣе на различіе нравовъ.

Честныхъ людей весьма удобно склонить на дѣло честное: если же развратныхъ на что нибудь убѣдить хотимъ, то надобно остерегаться, чтобы не показать, что порицаемъ ихъ поведеніе. Тогда не красотою добродѣтели, которой они не уважаютъ, но похвалою и народнымъ мнѣніемъ подстрекать ихъ должно: а ежели и сія суетность не поможетъ, то представить

имъ послѣдствія, отъ благоповеденія происходящія: а иныхъ не безполезно будетъ постращать худымъ окончаніемъ дѣла, ежели вопреки поступятъ. Ибо кромѣ того, что на такихъ людей навести страхъ всего легче, едва ли не опасеніе зла больше, нежели чаяніе добра, ихъ естественно поражаетъ: злые поймутъ скорѣе слѣдствіе отъ порока, нежели отъ добродѣтели.

Иногда и честнымъ людямъ подаются совѣты, не совсѣмъ благовидные, подаются и малосовѣстнымъ такіе, въ которыхъ только выгода совѣтующихся наблюдается. Я знаю, что можетъ подумать обо мнѣ читатель. Такъ ты этому учишь, скажетъ онъ? И ты почитаешь то позволеннымъ? Могъ бы въ семъ оправдать меня Цицеронъ, который, изъяснивъ, что можно бы много хорошаго присовѣтовать Цезарю, пишетъ къ Бруту такъ: *Былъ ли бы я извинителенъ, если бы все то сдѣлать ему совѣтъ далъ? Нѣтъ. Ибо цѣль совѣтодателя есть выгода того, кому совѣтуетъ. Но ты совѣтовалъ бы на доброе. Правда. Но въ совѣтахъ не всегда только добру мѣсто.* Поелику статья сія требуетъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія, и не принадлежитъ къ роду совѣтовательному, то я и опредѣлилъ для нее мѣсто въ двѣнадцатой, т. е. послѣдней книгѣ моего сочиненія. Я отнюдь не хочу, чтобы что ни есть постыдное производилось въ дѣй-

ство; а только полагаю, что то можетъ принадлежать единственно къ училищнымъ упражненіямъ; ибо нужно знать и хитрости нечестивыхъ, дабы лучше защитить правду.

Между тѣмъ, кто вздумалъ бы совѣтовать честному что-либо нечестное, не долженъ выставлять онаго, какъ прямо нечестное, по примѣру нѣкоторыхъ Декламаторовъ, кои стали бы Секста Помпея возбуждать къ разбойничеству для того самаго, что ремесло сіе позорно и безчеловѣчно. Надобно порочное прикрывать благовидностію, хотя бы мы имѣли дѣло съ людьми развращенными. Ибо кому хочется казаться злымъ, сколько бы золъ онъ ни былъ? По сему-то у Саллюстія изъясняется Катилина такъ, какъ будто бы на беззаконное дѣло побужденъ былъ не злостію, а негодованіемъ. Подобнымъ же образомъ говоритъ Атрей у Варія: *уже замышляю злодѣяніе, уже совершить понуждаюсь.*

Тѣмъ болѣе нужны такія искусныя оговорки, когда говоримъ къ лицамъ, доброе имя сохранить желающимъ. Такъ напримѣръ, можно бы совѣтовать Цицерону, чтобъ прибѣгъ къ милосердію Антонія, или бы сожегъ Филиппики свои, для полученія прощенія, которое ему на семъ условіи обѣщано; не кстати было бы убѣждать его врожденною привязанностію къ жизни (ибо мысль сія, если сильна въ немъ, то и безъ напо-

минанія нашего подѣйствовала бы на него); но приличнѣе надлежало бы внушать ему, что дни его драгоцѣнны для Республики. Таковый предлогъ здѣсь нуженъ ему для того, чтобы просьбы его представить не столь уничижительными. И Цезарю совѣтуя принять верховную власть, надобно было бы утверждать, что Республика не иначе стоять можетъ, какъ подъ управленіемъ единаго властителя. Ибо кто замышляетъ совершить дѣло беззаконное, старается только о томъ, какъ бы произвесть оное съ меньшимъ позоромъ.

3-е). Здѣсь принимается въ уваженіе также и лице совѣтующаго; ибо отъ человѣка, прославившагося дѣяніями, произшедшаго отъ знаменитаго рода, отъ человѣка маститыхъ лѣтъ и общее довѣріе заслужившаго, всегда ожидаемъ чего нибудь бо́льшаго. Надобно, чтобъ слова не разногласили съ поведеніемъ говорящаго. Въ противномъ случаѣ, потребенъ самый смиренный образъ рѣчи. Ибо что въ одномъ вольностію, то въ другомъ дерзостію называется. Для иныхъ довольно однихъ личныхъ качествъ, а нѣкоторымъ и самые убѣдительные доводы съ трудомъ доставляютъ имовѣріе.

IV. По сему-то мнѣ кажутся весьма затруднительными тѣ (*) *Просопопеи*, въ которыхъ

(*) Подъ названіемъ *Просопопей* здѣсь разумѣются деклама-

къ прочимъ строгимъ правиламъ совѣтовательнаго рода, присовокупляется еще несоотвѣтственность лица въ Ораторѣ. Ибо иначе Цезарь, иначе Цицеронъ, иначе Катонъ долженъ совѣтовать. Впрочемъ, упражненіе сіе весьма полезно, потому что оно въ одно время двумъ вещамъ научаетъ, и что будущимъ Стихотворцамъ и Историкамъ подаетъ великую помощь: а для Ораторовъ оно еще нужнѣе. Ибо есть и на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ такія рѣчи, которыя говорить могли и другіе; онѣ приспособлены къ ихъ нравамъ и поведенію.

И (*) Цицеронъ точно также думалъ, или принималъ на себя чужое лице, когда писалъ для Помпея, для Аппія и прочихъ: представивъ въ умѣ своемъ и состояніе и достоинство, и дѣяніе каждаго изъ нихъ, не изобразилъ ли тѣхъ, коихъ ссужалъ своимъ краснорѣчіемъ? Онъ, конечно, влагалъ въ уста ихъ болѣе искуства въ словѣ, нежели могли они имѣть его сами, одна-

---

ціи, въ которыхъ вводится кто ни есть совѣта требующій: тогда представляемъ чужое лице. А что въ нихъ *научаемся двумъ вещамъ въ одно время*, то это по тому, что въ нихъ должно и совѣтъ подавать, и сохранять вмѣстѣ все приличіе вводнаго лица.

(*) Цицеронъ иногда для благородныхъ Римлянъ сочинялъ рѣчи, которыя они, выучивъ наизусть, произносили въ Сенатѣ или предъ народомъ.

ко казалось, какъ будто бы все то было говорено отъ нихъ самихъ. Ибо рѣчь быть можетъ не меньше погрѣшительна, когда столько не прилична лицу, сколько и содержанію, къ коему принаровлена быть должна. И такъ Лисій великаго удивленія достоинъ по тому, что въ тѣхъ рѣчахъ, которыя писалъ для простыхъ и неученыхъ людей, умѣлъ сохранять строгое приличіе.

И особенно Декламаторамъ надлежитъ наблюдать такое приличіе: они рѣдко говорятъ, какъ (*) стряпчіе; а по бо́льшей части представляютъ дѣтей, отцевъ, стариковъ, сварливыхъ, кроткихъ, скупыхъ, наконецъ суевѣрныхъ, забавныхъ, трусовъ, насмѣшниковъ: такъ что едва ли комедіанту случается принимать на себя столько разныхъ лицъ на театрѣ, сколько имъ въ декламаціяхъ. И сіе изображеніе характеровъ не иное что есть, кажется, какъ *Просопопеи*, которыя здѣсь присоединилъ я къ рѣчамъ совѣтовательнымъ; ибо отъ нихъ ничѣмъ инымъ не разнятся, какъ только лицами.

(*) Въ школьныхъ декламаціяхъ говорили, не какъ стряпчіе и ходатаи, но какъ самые подсудимые, какъ дѣти, отцы, и проч. Итакъ *Просопопеи* ничѣмъ инымъ отъ совѣтовательныхъ рѣчей не разнятся, какъ только лицами. Ибо въ сихъ отъ своего лица совѣтуемъ, а въ просопопеѣ тоже дѣлаемъ подъ чужимъ.

V. Но не одну ошибку дѣлали Декламаторы въ своихъ совѣтовательныхъ рѣчахъ: они почитали ихъ за особенный родъ и совсѣмъ противный роду судебному. По сему у нихъ и приступы отрывисты и вся рѣчь стремительна, и выраженія съ великимъ, какъ они сами говорятъ, тщаніемъ прибраны; сочиненія ихъ гораздо короче въ родѣ совѣтовательномъ, нежели въ судебномъ.

Но я думаю, что въ совѣтовательномъ родѣ, какъ приступъ не нуженъ по вышесказаннымъ мною причинамъ, такъ и начинать его выраженіями досадными не нахожу надобности: напротивъ, человѣкъ здравомыслящій, отъ коего требуется мнѣніе, не долженъ въ шумныхъ восклицаніяхъ обращаться къ слушателямъ, но стараться, сколько можно, вѣжливымъ и скромнымъ вступленіемъ снискивать ихъ одобреніе.

Для чего же говорить съ жаромъ и стремительностію тамъ, гдѣ потребна всякая умѣренность и благоразуміе? Я не отрицаю, что и въ рѣчахъ судебныхъ часто кроется усиленіе слова въ приступѣ, въ повѣствованіи, въ доводахъ: отними это напряженіе; тогда останется только то, изъ чего состоятъ рѣчи судебныя. Но въ семъ случаѣ надлежитъ наблюдать болѣе умѣренности, и удерживаться отъ шумныхъ и непристойныхъ порывовъ.

Не должны также Декламаторы гоняться за пышными выраженіями, хотя къ сему часто встрѣчаются случаи. Ибо въ вымышленныхъ рѣчахъ почти всегда нравятся болѣе лица великія, какъ-то Государи, народъ Римскій, Сенатъ и дѣянія славныя. Такимъ образомъ выраженія, вещамъ соотвѣтствующія, придаютъ рѣчи много блеску. Но при поданіи истинныхъ, прямыхъ совѣтовъ, иначе поступаемъ. Почему Ѳеофрастъ совѣтуетъ избѣгать излишняго тщанія о выборѣ словъ въ родѣ разсудительномъ: онъ послѣдуетъ въ томъ своему учителю, хотя часто и во многомъ съ нимъ не соглашается. Аристотель и дѣйствительно думаетъ, что выборъ выраженій потребенъ въ родѣ доказательномъ и нѣсколько въ судебномъ; поелику, какъ изъясняется онъ, перваго цѣль есть оказательство, а вторый требуетъ искусства, дабы нѣкоторымъ образомъ обмануть слушателей, если бы того потребовала польза: совѣты же должны быть основаны на правотѣ и благоразуміи. Въ разсужденіи рода доказательнаго я согласенъ съ Аристотелемъ; ибо и всѣ другіе писатели такъ мыслили. Но въ судахъ и совѣтахъ надлежитъ, по моему мнѣнію, лучше соображаться въ выраженіяхъ съ предметомъ, о коемъ говорить хотимъ. Ибо нахожу въ рѣчахъ Димосѳена противъ Филиппа такія же

красоты, какъ и въ рѣчахъ судебныхъ (*). Мудрыя изрѣченія и слова Цицерона не менѣе витіеваты, когда онъ защищалъ или обвинялъ кого. Однако самъ же онъ о родѣ совѣтовательномъ говоритъ такъ: *вся рѣчь должна быть проста и важна, и больше украшена мудрыми изрѣченіями, нежели простыми словами.* Употребленіе примѣровъ въ семъ родѣ почти всѣ одобряютъ; ибо по бо́льшей части будущее соотвѣтствуетъ прошедшему, и опытъ лучше всего подкрѣпляетъ доводы.

Также краткость или обиліе зависитъ не отъ рода рѣчи, но отъ качества предмета. Ибо какъ въ совѣтахъ предметы бываютъ бо́льшею частію простѣе, такъ въ дѣлахъ и судныхъ встрѣчаются иногда меньшей важности.

Все̇, сказанное мною доселѣ, признается за справедливое, если кто, вмѣсто того, чтобы состарѣться надъ разными книгами Риторическими, захочетъ лучше прочитать не только рѣчи Ораторскія, но и Исторіи; ибо въ сихъ послѣднихъ встрѣчается много рѣчей совѣтовательныхъ и отсовѣтовательныхъ. Онъ и въ родѣ разсудительномъ найдетъ приступы прилич-

---

(*) *Мудрыя изрѣченія,* въ Сенатѣ произнесенныя противъ Антонія и Катилины. *Рѣчи,* предъ народомъ говоренныя въ защищеніе Манліева закона и въ осужденіе Рулла.

ные, и въ родѣ судебномъ нѣкую стремительность; замѣтитъ выраженія, соотвѣтствующія предметамъ того и другаго рода; и увидитъ иногда въ рѣчахъ судебныхъ болѣе краткости, нежели въ совѣщательныхъ.

Онъ не найдетъ въ нихъ и пороковъ, коимъ подвержены нѣкоторые изъ Декламаторовъ, какъ-то, ругать противомыслящихъ, по бо́льшей части говорить такъ, какъ будто бы съ тѣми, кои просятъ совѣта, ни въ чемъ не согласуются, и представлять изъ себя хулителей паче, нежели совѣтодателей. Я пишу сіе въ наставленіе молодымъ людямъ; чтобъ они и упражненія свои располагали такъ, какъ говорить нѣкогда будетъ имъ надобно, и дабы, научившись худому, послѣ не были принуждены переучаться. Впрочемъ, бывъ когда-либо призваны на совѣтъ друзей, для поданія голоса въ Сенатѣ, или, по волѣ Государя, для объявленія своего о чемъ ни есть мнѣнія, все сіе на опытѣ узнаютъ, когда теперь правиламъ не повѣрятъ.

ГЛАВА IX.

О РОДѢ СУДЕБНОМЪ.

I. Пять частей въ рѣчи онаго: Вступленіе, Повѣствованіе, Доводы или Доказательства, Опроверженіе, Заключеніе. II. Въ расположеніи ихъ не всегда надлежитъ держаться показаннаго порядка, а смотря по обстоятельствамъ, давать имъ мѣсто.

I. Теперь скажемъ нѣчто о родѣ *судебномъ*, который всѣхъ родовъ разнообразнѣе, но имѣетъ только два главныхъ предмета: *обвиненіе* и *защищеніе.* Сей родъ имѣетъ, по мнѣнію многихъ, пять частей: *Вступленіе*, *Повѣствованіе, Доказательства, Опроверженіе*, *Заключеніе.* Къ симъ частямъ прибавляютъ нѣкоторые еще *Раздѣленіе*, *Предложеніе*, *Отступленіе:* изъ нихъ первыя двѣ относятся къ доказательствамъ..... А отступленіе бываетъ или внѣ дѣла, и потому не можетъ составлять части онаго: или принадлежитъ къ дѣлу, и тогда служитъ только подпо-

рою или украшенiемъ тѣхъ частей, отъ которыхъ отступаетъ. Ибо, ежели все то, что входитъ въ судебную рѣчь, можно назвать частiю рѣчи, то почему же не называются частями оной ни доказательства, ни подобiя, ни мѣста общiя, ни возбужденiе страстей, ни примѣры? Однако я не согласенъ и съ тѣми, кои, слѣдуя Аристотелю, относятъ *Опроверженiе*, какъ относящееся къ *Доказательствамъ*. Ибо одно поставовляетъ, а другое разрушаетъ. Аристотель разнится отъ насъ и тѣмъ, что послѣ *вступленiя* полагаетъ не *повѣствованiе*, а *предложенiе*.

II. Но Ораторъ не долженъ думать, чтобы каждую изъ показанныхъ мною частей надлежало излагать въ томъ же порядкѣ: а прежде всего надобно ему размыслить, къ какому роду относится дѣло, въ чемъ оно содержится именно, что̀ можетъ споспѣшествовать ему, и что̀ повредить: потомъ, что̀ утверждать и что̀ отвергать должно; послѣ, какимъ образомъ повѣствовать приличнѣе (ибо повѣствованiе есть прiуготовленiе къ доказательствамъ, и не можетъ быть полезно, ежели предварительно не узнаетъ Ораторъ, какiе точно доводы выставить ему нужно); наконецъ подумать о снисканiи благосклонности отъ судей. Ибо, не обозрѣвъ всѣхъ частей, сущности всего дѣла, не льзя намъ знать, въ какое расположенiе духа привести ихъ

для нашей пользы, т. е. чтобы были они строги или кротки, пылки или хладнокровны, неумолимы или удобопреклонны.

Однако я отнюдь не одобряю и тѣхъ, кои думаютъ, что *вступленіе* послѣ всего сочинять должно. Ибо какъ надлежитъ собрать всѣ матеріалы и знать, чему на какомъ мѣстѣ быть надобно, прежде нежели говорить или писать станемъ, то и нужно начинать съ того, чему приличнѣе можемъ дать первое мѣсто. Ни живописецъ, ни ваятель, съ ногъ не начинаетъ: никакое художество не оканчиваетъ своего дѣла тѣмъ, съ чего естественно начинать его должно. А иначе, что̀ произошло бы, ежели бы въ сочиненіи рѣчи не было соблюдено приличнаго расположенія? Не обмануло ли бы и насъ такое, здравому разсудку противное обыкновеніе? Итакъ надобно располагать и начинать слово въ предлагаемомъ нами порядкѣ: надобно сочинять его въ томъ же порядкѣ, въ какомъ и говорить должны.

ПОПРАВКИ ВЪ I-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
III.	18.	Если и	Если
VII.	11.	поведеніемъ,	поведеніемъ
11.	2.	затмеваетъ	затмѣваетъ
—	27.	пржде	прежде
—	28.	ёписать	писать
21.	26.	надмѣвается	надмевается
34.	10.	retiquit	reliquit
58.	19.	жено подобнаго	женоподобнаго
74.	5.	Латинскаго	Латинскаго
95.	19.	ошвращеніе	отвращеніе
130.	7.	лоскутковъ,	лоскутковъ
178.	10.	поправился	прославился
179.	15.	*και Ισοκράτην ἐᾶν*	*'Ισοκράτην δ' ἐᾷν*
201.	3.	и еще	еще
211.	9.	*(ὕμερον)*	*(ἥμερον)*
227.	6.	племянниковъ	племянниковъ
234.	1.	Примѣръ Азинія	Какъ напримѣръ Азиній
241.	26.	Оппіанина	Оппіаника
248.	7.	обвѣтшалости	обветшалости
259.	18.	Avitus	habitus
286.	12.	Стакена	Сталена
295.	27.	разсказами	расказами
296.	21.	естествснной	естественной
306.	1.	говоритъ	говорить
—	3.	Оппіанина	Оппіаника
—	5.	Оппіанинъ	Оппіаникъ
316.	13.	Оппіанина	Оппіаника
393.	3.	преступленіе	преступленіе

Стран.	строк.		
398.	12.	Тубе	Тубе-
401.	25.	колѣсницахъ	колесницахъ
430.	7.	(Pro Mar.)	(Pro Mur.)
456.	26.	вскяая	всякая
457.	6.	приправа	приправа
469.	7.	Септу	Секспу
472.	14.	въ опившпахъ	въ опивѣпахъ
473.	8.	надмѣнное	надменное
476.	3.	иной	оной
482.	28.	полѣзнѣе	полезнѣе